

Пролог

*Если кто-нибудь томится
страстью или искушеньем —
может быстро охладиться,
отдыхая без движенья.*

*Если кто любить не может,
но изглодан весь тоскою, —
сам себе теперь поможет,
тихо плавая с доскою.*

*Н. Заблоцкий.
«Купальщики»*

 Японии есть Книга китов. Раз в год на торжественном ритуале уполномоченный японец раскрывает эту книгу и зачитывает имена китов, убитых японцами. Со второй половины семнадцатого века каждому убитому киту они давали имя и выбивали его на камне, потом завели книгу. Уполномоченный японец, осторожно перелистывая древние страницы, громко и торжественно зачитывает множество имен китов, употребленных человечеством для еды, лекарств, косметики, освещения помещений, корсетных креплений и так далее — японцы старались не оставлять отходов и использовали все, из чего кит состоит.

Отдавая таким образом дань уважения самому крупному млекопитающему на планете, японцы нисколько не винулись, в их ритуале больше гордости за существование рядом с ис-

полинами, которых они смогли убить и съесть, чем сожаления.

Неизвестно, знал ли о Книге китов тульский маньяк Овчар, заведя свою тетрадку с именами людей, мясо которых попробовал. При задержании в 1989 году он был ранен и жестоко избит, но, проведя в беспамятстве всего одну ночь в изоляторе, чудесным образом залечился, а санитары доложили, что Овчар повторял женские и мужские имена, пока бред не прекратился и он не очнулся, миновав кризис. Что интересно — после выздоровления Овчар с гордостью заявил следователю, что это души и кровь убитых им и съеденных помогли ему выжить. Санитары же уверяли, что Овчар — настоящий оборотень, потому и раны его зажили как на собаке. В дальнейшем в специзоляторе Овчар вел себя обособленно, явно сторонясь душегубов, не осознающих могущества своих мертвых жертв.

Узнав о Книге китов, Текила представила себе единение природы (зверя) и человека как обмен душами в момент убийства их друг другом, и перед нею возникла идиллическая картинка бесконечной воды, в которой киты и японцы плывут рядом. Она как раз заперлась в ванной, чтобы...

Текила

 Я заперлась в ванной, чтобы остричь волосы. Волосы сопротивлялись — выскальзывали из ножниц, а в дверь стучала мама. Она говорила о магнитных бурях, коротком световом дне, нехватке солнечного света и психиатре. В такой нервной обстановке приличного ежика не получилось. Выравнивать было некогда, я занялась разведением краски в стаканчике для зубных щеток. За дверью стало тихо, краски мне понадобилось всего ничего. Когда я открыла дверь с липкой массой на голове, мама сидела в коридоре на полу и смотрела на меня снизу. Я на всякий случай предупредила, просто озвучив ее вымышленные страхи:

— Перестань орать, не то порежу вены.

Мама встала, побрела за мной в кухню, монотонно разъясняя, что самоубийцы редко красят волосы перед... этим самым. Остричься в разных местах — это да, а вот развести краску, намазаться и выждать потом полчаса...

— Это больше похоже на успокоительное действие, — разъяснила она, внимательно от-

слеживая процесс приготовления мною трех-
слойного бутерброда.

Дождавшись, когда я широко распахну рот
перед первым укусом, она пошла в ванную и
скоро вернулась со своей зубной щеткой, де-
монстрируя ее черную щетину.

— Ну убей меня чайником, — предложила я
с полным ртом.

Мама подошла близко и мазнула зубной
щеткой по моей щеке. Я отталкивала ее руку и
уворачивалась, стараясь не подавиться и спасти
бутерброд от остатков краски на щетинке.

— Почему ты своей щеткой не красилась?!
Почему моей?.. — она завелась не на шутку,
глаза потемнели, испуг в них испарился от кол-
басного духа.

Мы потолкались в кухне у подоконника.
Потом мама села за стол, взяла сухарик, по-
смотрела на меня оценивающе и спросила:

— Можно забрать твои волосы? Те, которые
на полу.

Я опять чуть не подавилась.

— Зачем это?

— Соберу в холщовый мешочек, сделаю себе
маленькую подушечку. Буду их нюхать вечером,
когда метро уже закрылось и тебя может изна-
силовать какой-нибудь частник. — Она подня-
ла глаза на часы: — Сейчас половина десятого.

Невеста и Чудовище

Куда ты собираешься ночью с такой прической?

Я тоже посмотрела на часы, подумала и решила:

— Бери.

И пошла в ванную промывать волосы.

В раковину потекла темная вода с моей головы, я косилась на пол, на желтые пряди. Потом представила хруст волос в холщовом мешочке и толстого потного частника — почему-то рыжего, лет сорока — и содрогнулась от покрывших меня мурашек.

А в зеркале над раковиной возник ужастик с темными остатками волос и черной полосой на щеке. Еле отмыла эту полосу.

* * *

Байрон ждал меня у подъезда в отцовской «Тойоте». Я как следует замаскировалась — черные очки, черные губы в стиле эмо, кепка с козырьком, драные джинсы и шикарная кожаная куртка Мерилин с цепочками и заклепками.

— Сними кепку, — заподозрил неладное Байрон.

Я сняла. Я всегда его слушаюсь, это совершенно неразрешимая загадка моего организма.

— Текила, ты остригла волосы? — подозрительно тихим и спокойным голосом спросил он.

— Остригла. Для конспирации, — стараюсь

не смотреть на него, но боковым зрением замечаю многозначительный кивок. И вдруг он выдает:

— Где они? Где твои волосы, я хочу их забрать.

Я растерянно заметалась глазами по салону.

— Это не получится. Их взяла мама. Она сделает из них подушку. Маленькую... — уточняю я неуверенно, все еще опасаясь смотреть на Байрона.

— Подушку?.. — прошептал он с ужасом.

— Да. Это защита такая от предполагаемых насильников в автомобилях.

Он опять кивнул.

— А твои остриженные ногти мама не собирает? Чтобы сжечь их в полнолуние на болоте.

— У меня нет ногтей. Я их грызу.

— А на ногах? — не может успокоиться Байрон.

— Поехали уже, — попросила я жалобно.

И мы подкатили к «Чугунке» через полчаса полной тишины. Я осмотрела территорию вокруг. Кучка байкеров у мотоциклов, несколько дорогих иномарок, старый «Москвич».

— На чем ездит наш дядечка, как думаешь? — спросила я.

— Он живет в этом же здании, по делам ездит на такси или нанимает машину с шофером. Прописан в другом месте, у жены — «Ниссан»,

Невеста и Чугунщик

у дочки «Рено», у собаки прислуга для выгула. Я потаскался за ним полтора дня. Примерным семьянином его не назовешь, потому как ночевал он над «Чугункой», практически на рабочем месте — он совладелец клуба. Два часа назад сел в самолет на Варшаву. Готова?

«Чугунка» светилась и гремела музыкой. У входа два охранника отсортировывали случайных людей.

Я вышла из машины. Запрягала кепку в карман. Сняла очки, взъерошила черное непотребство на голове, прилепила над верхней губой металлическую каплю. Байрон посмотрел на меня снизу и одобрил кивком.

— Я отгону машину, как договорились. Войду в клуб через десять минут после тебя. Поднимусь в бар. Если что, сигналю на мобильник. Зачем ты остригла волосы?

— Столько камер я нигде больше не замечала. Я должна быть как все.

— Текила... — он замялся. — Деньги, конечно, большие, но если ничего не получится...

— Получится.

— Заказчики так засекретились, что ясно — им до нас нет никакого дела. Они уверены — через нас на них никогда не выйти. Если не получится, уходи гордо — на тебе ничего нет, кроме мобильного.

Я вошла в клуб, нацепила кепку, выпила в баре сок, посмотрела на беснующийся народ, на диджея Кита и пошла в туалет. Все это — с низко опущенной головой. В туалете одна девушка блевала, а другая с черными подтеками под глазами сидела на полу у стены в полной отключке. Я залезла на подоконник, открыла вверх узкую форточку. Пришлось повозиться с механизмом, чтобы створка опустилась. Пролезала я на улицу ногами вперед. Стоя на наружном откосе, посмотрела вниз: не выше второго этажа, но если грохнуться, будет больно. Держась за открытую створку одной рукой, другой дотянулась до нижней ступеньки пожарной лестницы сбоку, всего-то и делов.

По лестнице поднялась до пятого этажа. Вот он — критический момент. Закрыли или нет форточку в таком же туалете на пятом этаже? Повезло. Приоткрыта. Нащупываю ручку изнутри и открываю. Пролезая в узкое пространство, я восхитилась строением своего черепа — он сплюснут у висков. Что при моем маленьком весе дает неоспоримые преимущества перед другими форточниками. Что для нас, форточников, главное, — уговариваю я себя, обдирая голову, — главное, чтобы башка пролезла... вот так... и все дела.

Осматриваю унитаз, биде и душевую кабинку. Совмещенный санузел, так сказать. Раздра-

Невеста и Чужовище

жающе чисто. Бритвенный прибор на полочке у зеркала. Сухое мыло в мыльнице. Прислушиваюсь у двери, открываю ее и тихонько выхожу в коридор небольшой квартиры. Кухня и спальня в одной комнате, прихожая отсутствует — несколько вешалок на стене коридора. Слабая подсветка под потолком в трех местах. Осматриваю шкафы. Пара костюмов, несколько рубашек, две коробки с обувью. На почти пустых полках обнаружилась упаковка презервативов, пачка жевательной резинки. Да уж. Уважающим себя форточникам тут, собственно, и делать нечего. Это логово явно не предназначено для постоянного проживания. В холодильнике — набор бутылок со спиртным. На стене — две головы. Кабана и оленя. Осматриваю стол, компьютер. Выдвигаю ящики рабочего стола. Аккуратно сложенная бумага, пустые папки. Ни одной фотографии, ни одной женской вещи. Включаю технику. Заставка на экране — немолодой мужчина с собакой, ружьем и убоинкой в траве. Улыбается. Пытаюсь войти в систему — «наберите пароль». Определяющий момент. Осматриваюсь тоскливо еще раз и звоню Байрону.

— Он здесь не живет, ничего не получится, — говорю я в трубку, разглядывая большой диван и пол под ним. — Чисто. Пусто. Даже под диваном нет пыли. Не за что зацепиться. Нет

еды, ни одной фотографии, ни одного грязного предмета. Я — пас.

— Значит, тут у него что-то вроде рабочего офиса, — бормочет Байрон в трубку.

Я его плохо слышу — музыка грохочет. Он уже в клубе.

— Что я, офисов не посещала? Там найти ключевое слово легче, чем в квартире. Будем вскрывать?

— А записная книжка? — Байрон не теряет надежды отделаться по-быстрому.

— Отсутствует.

— Газеты, журналы, реклама?

— Ничего.

— Что-то странное или необычное?

Я задумчиво снизу изучаю мощный волосатый подбородок дикого кабана.

— Трофейные головы животных на стене. Кабан и олень.

— Вот видишь! — обрадовался Байрон. — Уже два варианта.

— Не думаю. Нормальный мужик скорее назначит паролем место, где получил незабываемый кайф от такого убийства. Есть одна фотография. — Я сажусь к компьютеру. — Заставка на экране. Мне нужно... — Я задумываюсь. — Мне нужна кличка его собаки. Точно. Охотничья собака. Рыжий сеттер.

— Перезвоню через минуту.

Невеста и Чудовище

— Он уже на связи, да? Твой заказчик?

— Не нервничай, — строго приказал Байрон и отключился.

Я сидела тихо, не двигаясь. Думала, как можно назвать такого великолепного ирландского сеттера. Мама против собак и кошек в доме. «Никто не смеет навязывать мне условия существования, — так, кажется, она выразилась, рассматривая серого котенка, которого я принесла в десять лет. — Никогда не буду использовать животных как игрушки или средство от одиночества и тебе не разрешу».

В кармане куртки завибрировал телефон.

— Клёпка, — сказал в трубку Байрон.

— Не может быть, — я с сомнением посмотрела на заставку. Такая шикарная сука должна иметь царское имя.

— Точно. Клёпка. Зарегистрирована. По паспорту — Клеопатра.

— Это другое дело, — сказала я и набрала девять букв.

Дальше все было просто: коды доступа — перекачка — подтверждение — выход из системы — ванная комната — форточка — лестница — туалет внизу — бар — текила.

— Текила? А сколько тебе лет, девочка? — это бармен.

— Пошел ты!

НИНА ВАСИНА

* * *

В машине меня стало тошнить. На Байрона, как всегда после дела, накатила эйфория.

— Мы никогда столько не отгребали. На что потратишь деньги?

— Не знаю. Открой форточку, — я задыхалась.

— Ты чего? — Он присмотрелся. — Чего такая бледная?

Я вышла на мокрый асфальт. В мире явно что-то изменилось.

— Байрон, сейчас у нас что? — спросила я, задрав голову вверх.

— Сейчас у нас ночь, пятница на исходе, двадцать три часа, сорок три минуты.

— А в природе?

— А в природе у нас октябрь. Залезай в машину, простудишься.

* * *

Час ночи. Если точно — ноль один час, ноль семь минут. Я стою у разложенного дивана. Мама запойно спит. На тумбочке — стакан с водой и пустая оболочка от какого-то порошка.

— Мам! Мамавера!

Она пошевелилась. Если это было снотворное, будить бесполезно. Я наклоняюсь и осторожно тащу к себе серый мешочек из-под ее подушки.

Невеста и Чудовище

— Не трогай, — сонно приказывает она, не открывая глаз.

— Это что, мои волосы?

— Не трогай. Ты выбросила, а я подобрала. Что случилось? — она садится и смотрит на часы в телефоне рядом со стаканом. Потом закрывает глаза. — Как добралась?

— Байрон подвез.

— Есть хочешь?

— Нет. Мам, я...

— У тебя ломка?

— С ума сошла? Какая ломка?!

— Ты трезвая?

— Трезвая. Я лучше пойду. Спи дальше.

— Если ты трезвая и не в ломке, почему не спишь?

— Спросить хотела. Мой отец, он...

Мама тут же меня перебивает — реакция на кодовое слово «отец» — и с монотонностью магнитофонной записи выдает бесстрастно:

— Был разведчиком, погиб при исполнении, награжден посмертно. Тебе тогда было три года, ты ничего не помнишь.

— Это я уже слышала. Есть что-нибудь новенькое?

Она удивилась, открыла глаза и нащупала мою руку.

— В каком смысле — новенькое?

— Например... — я сажусь к ней на краешек

дивана, — какое у него было задание и как он умер.

— С чего вдруг такой интерес? — прищурилась мама и провела рукой по остаткам волос на моей голове.

— Сегодня что-то изменилось в мире. Я подумала...

— Ты раньше никогда не интересовалась подробностями.

— Я была уверена, что это такая отмазка. Летчик, разведчик... В доме всего одна фотография подозрительного мужчины во фраке. Никаких семейных снимков, никаких документов о нем. А тут вдруг я подумала, что это может быть правдой.

— Конечно, правда! — с непогрешимой честностью в глазах возмутилась мама. — Он выполнил задание, но был убит из-за контрабанды. Его контора решила дело потихоньку прикрыть и наградить отца посмертно.

Я вздохнула и прилегла к ней. Мама укрыла меня одеялом.

— Наркотики? — спросила я, зевая.

— Что? — вздрогнула она.

— Контрабанда наркотиков?

— Ничего подобного. Он выкопал в тропиках Юго-Восточной Азии какую-то лиану... Нет, подожди, не лиану, а орхидею. Редкую орхидею, внесенную в Красную книгу. И пытался вывезти ее в Англию. Его убили в гостинице

Невеста и Чужовище

аэропорта и украли колбу с цветком. Больше ничего не пропало, представляешь, все шпионские микропленки на месте, а человек погиб из-за цветка. Говорят, это был последний экземпляр, больше такого никто не встречал.

— Красиво, — киваю я. — Я что-то подобное читала. Покупаешь женские романы?

— Могу точно сказать! — взволновалась Мамавера. — Ее название переводилось как «красная вагина».

— Мама!..

— Это правда. Можешь посмотреть в справочнике.

Мне стало зябко. Не то чтобы моя Примавэра никогда не сочиняла, но она никогда раньше не ссылалась на достоверные факты. Факту существования орхидеи с таким названием, конечно, легко найти подтверждение, я нисколько не сомневаюсь. Просто раньше, когда Примавэра использовала... скажем так, некоторые условности и приближения к реальности, она любой ценой избегала фактов. «Не помню, за была, это сложно подтвердить» и тому подобное.

Я задумалась.

— Он что, на своих шпионских заданиях искал редкие виды орхидей и потом нелегально их вывозил?

— Понятия не имею. Мне намекнули в его ведомстве, что он имел пристрастие к подобно-

го рода времяпрепровождению. Он... как бы это объяснить, любил пускать пыль в глаза. Особенно женщинам.

— Тебе дарил?

— Никогда. Орхидея — это почти животное. Некоторые виды питаются насекомыми. Ты знаешь, как я отношусь к животным в доме. А вот тебе собирался ее подарить.

— Не думаю, что в три года я могла попросить в подарок орхидею «красная вагина», — осторожно заметила я.

— И тем не менее именно ты попросила, чтобы папа привез тебе аленький цветочек. Мы с тобой как раз читали тогда эту книжку. Папа спросил, что тебе привезти из командировки.

Я задержала дыхание.

— Эта орхидея... она что — алая?

— Не совсем. Концы трех ее вывернутых лепестков розовые, а внутренность темно-красная. Пестик укороченный и толстый как раз в верхней части цветка, похож на...

— Не надо, — перебила я. — Меня тошнит от всего этого.

— Странно для шестнадцатилетней девочки, — заметила Мамавера. — Не далее как позавчера я обнаружила в твоей комнате журнал...

— Сейчас приду, — я вскакиваю и несусь в ванную.

Подумать только — меня натурально вырвало! По-моему... ну да, первый раз в жизни.

Невеста и Чудовище

Если, конечно, не считать, что первые три года существования я не помню.

— Что ты пила ночью? — спросила мама, когда я вернулась.

— Сок. Знаешь, что такое «аленький цветочек»?

Мама задумалась, потом кивнула:

— Теперь я представляю его только орхидеей. А ты?

— Это мак.

— Мак? — мама удивилась так сильно, что растянула рот в улыбке. Она всегда при сильном удивлении так делает.

Я вдруг подумала, что тоже иногда замечаю за собой странное подергивание лица при сильном удивлении или волнении. Сейчас, например, кусаю нижнюю губу. Волнуюсь из-за странной тошноты? Поверила в легенду о смерти отца? Киваю удивленной маме:

— Да, тот самый мак, из которого изготавливают наркотики. В сказке мужик стащил для своей дочери редкий цветок с плантации. Естественно, владелец плантации за такое потребовал себе дочку мужика или его жизнь. С наркомафией, как ты знаешь, дела плохи. Дочка решила пожертвовать собой ради отца, отправилась на плантацию и уже через несколько минут пребывания там увидела сады райские и чудовище безобразное, еще скатерть-самобранку и все такое. Музыка ниоткуда, эйфория... Я пойду спать.

НИНА ВАСИНА

— Подожди, Лилит. Ты меня разбудила, чтобы спросить об отце?

Она редко меня так называет. Полным именем.

— Нет, конечно. Нужен он мне! Хотела попросить не будить меня с утра. Давай завтра ради разнообразия обойдемся без твоего показательного шоу с моим вытаскиванием из кровати, совместным походом в ванную, подгоревшими гренками и все такое. Расслабься. Ты нормальная мама.

— Неужели? — взвилась Примаверра.

— Ладно. Ты больше, чем нормальная. Не пьешь запойно и мужиков не водишь домой. — Заметив, что небольшой столбняк от моего последнего заявления грозит вылиться в истерику с упреками и обидами, я поспешно перешла к деловой части заявления: — В школу пойду к третьему уроку на контрольную по химии. Встану сама, так что спокойно поспи.

И осторожно прикрыла за собой дверь.

* * *

А что? Нормально встала. Под звуки тамтамов. Африканские племена так передают свои сообщения на дальние расстояния. Будильник я себе ставлю на компьютере. В доме нет нормальных часов. Вообще. Старые настенные с загробным боем — не в счет. Я их редко завожу.

Невеста и Чудовище

Так что при необходимости двое бодрых и в меру высохших африканцев бьют мне в тамтамы с экрана ноутбука и еще скалятся породистыми зубами — вставай, Текила!

Я выпила крепкий чай, съела пару ломтиков сыра и три сухофрукта. Финики это были. Вполне прилично оделась, залезла на антресоли в коридоре и из своей секретной коробки из-под обуви достала парик. Минут пять цепляла его на голову. Получилось совсем неплохо. Как будто я остригла до плеч свои желтые волосы и выровняла их легкую волнистость. Стильно и скромненько — то, что нужно для химички.

Опоздала минуты на две. Как раз успела открыть дверь химичке у кабинета.

— Лилит у нас сегодня с челкой! — заявила с порога учительница. — И с новой стрижкой. А некоторые перед ответственной контрольной боятся даже голову помыть. Лилит сядет сегодня на первую парту и, учитывая ее отвращение к моему предмету, отдаст свой мобильный.

Я с облегчением выдохнула: сегодня варианты контрольной были написаны на доске, а не индивидуально для каждого на листках. Мое постоянное место на последней парте меня бы здорово подвело. А попроситься в такой ситуации самой сесть поближе к доске значило вызвать сильнейшее подозрение и неусыпный контроль.

Под сочувственный гул одноклассников я

села за пустую парту и сидела, сидела, сидела с вытянутой рукой, пока химичка, хмыкнув, не подошла и не забрала из этой руки мобильник. Класс потихоньку затих. Я посмотрела на доску с заданием. Глубоко вздохнула и выпрямилась, расправив плечи. На всякий случай еще поправила пуговку на блузке.

— Вижу, — сказал мне в ухо Байрон. — Срисовал. Готовь ручку.

Я подвинула к себе листок бумаги и посмотрела на задумчиво уставившуюся на меня химичку. Конечно, ей не давал покоя «феномен Лилит», которая пишет контрольные и сдает письменные тесты на «отлично», а при устном опросе больше тройки с минусом не имеет. Я подкинула ей идею на тему боязни личного общения с преподавателем и нарвалась на регулярные насмешки по этому поводу. Придется сегодня для убедительности сделать несколько ошибок и не успеть все решить, а то в следующий раз чего доброго она меня обыщет.

— А что у нас в пакете? — химичка подошла ко мне и подняла с пола пакет. Ни секунды не сомневаясь, полезла в него и достала кожаную куртку. Встряхнула.

— Это моя! — встала Мерилин. — Я давала куртку Текиле на вчерашний вечер.

— Твоя — значит, и валяться должна у твоей парты, — злорадно посмотрела на меня химичка.

— Вы только что нарушили права свободно-

Невеста и Чудовище

го гражданина демократической страны. Досмотр чужих вещей без санкции, — говорю я, изображая досаду.

— Чудненко! — заметила на это химичка, бросила пакет к ногам Мерилин и на некоторое время потеряла ко мне интерес.

Я добросовестно записывала все, что надиктовывал Байрон, иногда в задумчивости щелкая два раза ручкой. Знак, что последнее нужно повторить. Из семи заданий пропустила два. Легкое последнее (якобы не успела) и одно из трудных. Химичка подходила изучать мою писанину три раза. Я, как могла, делала ошибки, потом нервно зачеркивала и вообще страдала вовсю. За пять минут до конца урока дверь открылась. В проеме какой-то мужчина поманил к себе учительницу, она подошла и с первыми его словами посмотрела на меня. Интересно.

— Лилит, — сказала химичка, — тебя вызывают к директору. Положи контрольную на стол.

Весь класс уставился на меня в ожидании. Уходя, я забрала телефон, пожала плечами и изобразила на лице полное недоумение. В коридоре ждали двое. Любитель белой кошки и неряха с перхотью на темном сукне пиджака. Мы спустились на первый этаж и пришли в кабинет директора. Директор вскочил при нашем появлении и даже подставил мне стул — ткнул

его под коленки с таким рвением, что ноги погнулись.

Все уселись и сидели молча, пока директор на мой вопрошающий взгляд не объяснил:

— Ждем Веру Андреевну. Твою маму. Без нее я не могу тебя отпустить с этими людьми.

Мамавера пришла минут через десять. Застыла у порога, в полной оторопи разглядывая мою голову. Гости даже забеспокоились и поинтересовались, ее ли дочь в кабинете. Мама кивнула и уже с отрешенным лицом предъявила свои документы, двое мужчин в пиджаках — свои, директор нервно требовал расписку об изъятии ученика из учебного процесса, потом сдался, посмотрел на меня и укоризненно покачал головой:

— Ну что ты еще натворила?!

В легковушке Мамавера села рядом с водителем, а я на заднее сиденье между двумя мужчинами. Ехали недолго. И вот мы вчетвером уже в небольшом кабинете с видом из окна на кирпичную стену. Один из мужчин открыл принесенный ноутбук.

— Начнем? — весело предложил другой и нажал кнопку под столом.

Вошли две молодые девушки.

— Наружный осмотр несовершеннолетней Лилит Бондарь будет произведен в присутствии матери. Не волнуйтесь, — обратился он к вскочившей после его слов маме, — раздеваться де-

Невеста и Чужовице

вочка не будет. Осмотр сканером на чиповые устройства.

Одна девушка достала небольшой приборчик с антенной, а другая присела передо мной и изобразила добрейшую улыбку. Начали они с туфель. Потом я встала, раздался писк прибора.

— Где? — спросила улыбчивая девушка, держа сканер у меня перед грудью.

Я показала на вторую сверху пуговицу, потом на правое ухо. Девушка осторожно вытащила камеру, а микрофон я достала сама и спросила:

— Как вы узнали?

Неряха довольно улыбнулся и кивнул на стену.

— Твой дружок в соседней комнате.

Девушки вышли. Мамавера обошла стол и наклонилась над трофеями, осмотрела их, не прикасаясь, и простонала:

— Нет! Только не это.

Мне стало жутко интересно. Не всякий обычный человек, даже работающий в крупной строительной компании, где кража информации дело обычное, может понять, что лежит на столе. Моя мама с первого взгляда поняла — *что*.

— Но это же!.. — она посмотрела на меня растерянно. В этот момент чувство долга боролось в ней с родительским инстинктом.

Инстинкт победил, она решила не вредить

дочери, выдавая свое знание предмета, и продолжила:

— Это же, наверное, стоит больших денег! Это плеер такой?

Мужчины оценили ее отчаяние и снисходительно пояснили:

— Нет, это видеокамера и приемник средней дальности действия, новейшая разработка, Сэ-Шэ-А, как говорится.

— Подождите, минуточку, — теперь мама сопоставила наличие этих предметов у меня в школе и совершенно искренне попыталась найти объяснение. — Зачем это?..

Неряха все оперативно разъяснил:

— Ваша дочь и ее дружок, студент второго курса Политехнического Байрон Феоклистов, таким образом решали контрольную по химии. Лилит в классе, так сказать, а студент на улице в автомобиле с портативным компьютером новейшей модели. Я лично такую модель в Москве в продаже еще не встречал.

Мама посмотрела ему в лицо, потом в лицо любителю кошек и растянула рот в кривой улыбке.

— Вы привезли сюда мою дочь, потому что она списывала... — тут Мамавера замешкалась, подбирая правильное определение. Подобрала: — Нечестным образом путем обмана писала контрольную по химии? Да сейчас ученики

Невеста и Чудовище

пользуются для этого своими мобильниками! Сплошь и рядом!

— Вот мы и подумали, зачем девочке такая навороченная система? А главное, — неряха многозначительно уставил указательный палец на трофеи, — такая дорогая и практически недоступная обычным людям?

— Как вы нас поймали? — спросила я. — Вы что, прочесываете с антенной территории вокруг школ? Операция «антитеррор»?

Агенты федеральной службы безопасности (именно это и было указано в их удостоверениях) посмотрели друг на друга и посетовали:

— Мечтать не вредно, — заметил один.

— Да, у ребенка явно завышенные требования к системе безопасности страны, — поддержал его другой.

— А действительно, как? — включилась и Мамавера.

— Да все просто. Мы ведем вашу дочь и ее друга с ночи. Эти милые молодые люди сорвали нам крупнейшую операцию. Годовая разработка пошла псу под хвост.

Мамавера слегка побледнела. Над верхней губой выступили капельки пота. Я взяла ее за руку.

— Не нервничай. Все в порядке. Поверь мне, все нормально. Через полчаса поедем домой.